

Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 287 с.

6. Никончук, Н. В. Полесские названия птиц / Н. В. Никончук // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектического словаря. – М. : Изд-во «Наука», 1968. – С. 439-471.

7. Памятники природы республиканского значения. Брестская область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://new.minpriroda.gov.by/ru/brest1-ru/>. – Дата доступа: 25.10.2020.

8. Пиломатериалы лиственных пород. Технические условия : СТБ 1714-2007. – Введ. 01.07.11. – Минск : Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2007. – 9 с.

9. Самойлович, В. П. Народное архитектурное творчество. По материалам Украинской ССР / В. П. Самойлович. – К. : Будивельник, 1977. – 232 с.

10. Сергачев, С. А. Народное зодчество Беларуси. История и современность / С. А. Сергачев. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2015. – 560 с.

11. Теплопроводность древесины и плотность дерева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thermalinfo.ru/svoystva-materialov/drevesina/teploprovodnost-drevesiny-i-plotnost-dereva>. Дата доступа: 18.10.2020.

12. Теплопроводность древесины: таблицы, коэффициент, другие свойства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jsnip.ru/zashita/teploprovodnost-dereva.html>. – Дата доступа: 18.10.2020.

13. Хмельницкий, Е. С. Экспонирование конструктивно-технологических решений в комплексе традиционных народных промыслов в Могилеве / Е. С. Хмельницкий // Архитектура и строительные науки. – 2012. – № 1. – С. 34–36.

14. Юркевич, И. Д. География, типология и районирование лесной растительности Белоруссии / И. Д. Юркевич, В. С. Гельтман. – Минск : Изд-во «Наука и техника», 1965. – 288 с.

15. Юркевич, И. Д. Леса белорусского Полесья (геоботанические исследования) / И. Д. Юркевич, Н. Ф. Ловчий, В. С. Гельтман. – Минск : Изд-во «Наука и техника», 1977. – 288 с.

16. Юркевич, И. Д. Растительность Белоруссии, ее картографирование, охрана и использование / И. Д. Юркевич, Д. С. Голод, В. С. Адерихо. – Минск : Изд-во «Наука и техника», 1979. – 248 с.

17. Якімовіч, Ю. А. Драўлянае дойдзтва Беларускага Полесья XVII–XIX стст. / Ю. А. Якімовіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 146 с.

УДК 711.13.01

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В XX ВЕКЕ

SOCIO-CULTURAL DETERMINANTS OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONAL ARCHITECTURE IN THE 20TH CENTURY

К. Н. Гацунаев

K. N. Gatsunaev

*ФГОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный
строительный университет» (НИУ МГСУ),
Москва, Российская Федерация
E-mail: gatsunaev58@mail.ru*

*Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU),
Moscow, Russian Federation*

Предмет исследования: социальные, политические и культурные факторы, определяющие развитие российской региональной архитектуры в XX в.

Цель: раскрыть социокультурные факторы, определившие развитие российской региональной архитектуры в их логической взаимосвязи.

Методы: основу исследования составляет системный подход, совмещающий методы анализа и синтеза, а

также исторический и проблемно-хронологический методы, с помощью которых рассмотрены основные социокультурные детерминанты развития российской региональной архитектуры.

Результаты и выводы: выявление и обобщение разнородных факторов, детерминирующих развитие российской архитектуры XX в.

The subject of the study: social, political and cultural factors that determine the development of Russian regional architecture in the 20th century.

Research objective: to reveal the socio-cultural factors that determined the development of the Russian regional architecture in their logical relationship.

Methods: the basis of the study is a systematic approach combining methods of analysis and synthesis, as well as historical and problem-chronological methods, with the help of which the main socio-cultural determinants of the development of Russian regional architecture are considered.

Results and conclusions: identification and generalization of heterogeneous factors determining the development of Russian architecture of the XX century.

Ключевые слова: классицизм, «русский стиль», эклектика, модерн, авангард, соцгород, дома-коммуны, дома переходного типа.

Keywords: classicism, "Russian style," eclecticism, Art Nouveau, avant-garde, sotsgorod, house-communes, transitional-type houses.

Российская архитектура прошлого столетия стала объектом многостороннего исследовательского подхода. К настоящему времени сложился целый пласт научных публикаций, посвященных различным аспектам ее развития, включающий в себя как многотомные монографии [1], так и сборники материалов, выполненных в рамках фундаментальных исследований РААСН и Минстроя России [2]. Хронологическими исследованиями охвачен весь период от начала XX века [3] до постсоветской России [4]. Тенденции развития российской архитектуры анализируются также иностранными авторами [5-8].

Исследование региональных особенностей архитектуры приобретает особую актуальность в контексте современной глобализации. Влияние разнообразных, быстро меняющихся и крайне противоречивых императивов на российскую региональную архитектурно-строительную практику прошлого столетия фактически осталось вне поля зрения исследователей.

К началу двадцатого столетия провинциальная архитектура в России, как правило, развивалась в общеимперском русле. Стили и направления, утвердившиеся в столицах, постепенно распространялись по губернским и уездным городам. Исключение составляли самобытные в социокультурном отношении северо-западные регионы, такие как Великое княжество Финляндское, Царство Польское (Привислинский край), Прибалтика и др.

Но специфические особенности развития архитектуры даже в этих регионах во многом обуславливались общегосударственными социально-политическими и культурными императивами.

Так, со времени правления Александра III почти официальный статус приобретают едва ли не все разновидности «русского» стиля. Декоративные и конструктивные элементы, а также композиционные приемы, свойственные, как предполагалось, древнерусскому зодчеству, приобрели острую политическую актуальность. Злободневность и востребованность такой архитектуры в существенной степени подпитывалась русификаторскими тенденциями в официальной идеологии и политике той эпохи. Как следствие, даже в начале XX века при возведении административных зданий, гимназий и реальных училищ, судов и других «казенных» объектов на имперской «периферии» предпочтение отдавалось проектам, выполненным именно в «русском» стиле.

Это делалось даже в тех случаях, когда такие новостройки резко контрастировали со сложившимися городскими ансамблями. Наиболее отчетливо такой контраст ощущался в региональной архитектуре Кавказа, Закавказья, Центральной Азии (Русского Туркестана). «Каменная вышивка» и «мраморные полотенца», ширинки, бегунцы и поребрики на фасадах зданий начала прошлого века зачастую сохраняются до нашего времени в больших и малых городах (Баку, Владикавказе, Махачкале, Самарканде, Ташкенте и др.). Псевдорусская стилистика превращала официальные здания в регионах в своеобразный символ, архитектурную «печать», свидетельствующую о принадлежности данной территории Российской империи.

Неудивительно, что подобная философско-политическая подоплека сыграла в некоторых случаях роковую роль в дальнейшей судьбе таких построек. Например, возведенный в центре Варшавы в 1912 г. по проекту Л.Н. Бенуа собор Александра Невского относился именно к

постройкам русского стиля. Помимо прочего, этот храм, по словам варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко: «свидетельствовал бы своим наружным видом и внутренним содержанием о величии господствующей Церкви в Русском Государстве» [9, с.10]. Для католической страны такая трактовка художественного облика храма казалась откровенно оскорбительной. В 1924 г. уже в независимой Польше храм был взорван. Обоснованием его уничтожения стало восприятие населением храма как символа имперского господства.

Менее драматичным, но весьма действенным фактором, повлиявшим на региональную архитектуру начала XX века, стало стремление состоятельных и «просвещенных» заказчиков из числа местных элит возвести постройки, которые сочетали бы в своем облике элементы эклектики или модерна с ориентальными мотивами. Суннитская («Мухтаровская») мечеть во Владикавказе, а также многочисленные доходные дома, дворцы, гостиницы, здания общественных и благотворительных организаций по всему Кавказу были построены именно в такой стилистике архитектором Юзефом Плошко по заказу азербайджанского мецената Муртузы Мухтарова. Аналогичным образом сменявшие друг друга Бухарские эмиры Сеид Абдулахад и Сеид Алим-хан заказывали дворцы и мечети либо в стиле северного модерна, либо в неоклассическом и неомавританском стиле, но с легко распознаваемыми чертами самаркандского и бухарского зодчества. Такого рода здания перед Первой мировой войной были возведены как в столице, так и в Астрахани, Железноводске, Ялте.

Примечательно, что любимым архитектором эмиров Бухары был уроженец Ошмянского уезда (современная Гродненская область) Степан Самойлович Кричинский (1874-1923).

Таким образом в архитектурных ландшафтах юго-восточных регионов России начала прошлого века возник специфический симбиоз восточных и западных черт. В значительной степени он был обусловлен идеологией джадидизма (исламского модернизма). Философским воззрениям лидера джадидов Исмаила Гаспринского удалось материализоваться в практической деятельности умеренно либеральных правителей и чиновников Хивинского ханства (главный визирь Ислам-ходжа) и Бухарского эмирата, а также благодаря меценатству состоятельных мусульман-промышленников и коммерсантов.

Для исламских прогрессистов начала XX века было принципиально важно доказать совместимость мусульманской традиционной культуры с современной им европейской. Считалось, что нагляднее и убедительнее всего это удастся в архитектуре.

В собственно российской глубинке к началу прошлого столетия архитектурный облик уездных, а зачастую и губернских, городов в основном определяли провинциальные версии стилей, востребованных в столицах. При энергичной поддержке влиятельного художественного критика Владимира Стасова по всей стране распространяется «демократическая» альтернатива официозному «русско-византийскому» стилю. Она предполагала непосредственное обращение к народной архитектуре. С точки зрения Стасова, наиболее удачным образом эта тенденция воплощалась в проектах и постройках И.Н. Петрова (Ропета). И заказчики, и архитектурные критики усматривали признаки глубоко русского и демократического народного начала в крестьянском декоративном искусстве. Многочисленные подражания постройкам и проектам В.А. Гартмана, А.Л. Гуна и Ропета зачастую отличались весьма произвольными комбинациями крылец, башенок, галерей, гульбищ, шатров и крутых четырехскатных крыш с коваными гребнями. Деревянная «ропетовщина» длительное время преобладала в застройке многочисленных дачных пригородов и городских окраин.

По мнению И.Е. Забелина, основные формы каменного русского зодчества определились и возникли на основе начавшей развиваться гораздо раньше деревянной архитектурно-строительной деятельности. Теория Забелина основывалась на признании первичности народного быта. Отсюда выводилось утверждение об изначальности, первичности жилища, которое заложило основу для всего многообразия других типов зданий. Дальнейшее развитие этой идеи привело самого Забелина и его последователей к убеждению, что не только первичным элементом, но и всеобщим модулем для национальной русской архитектуры является изба – рубленая жилая клеть. Поэтому здания и сооружения должны подчиняться «хоромному» принципу компоновки. Объем постройки должен формироваться группировкой модулей по образцу теремного строительства «прирубями» (секциями). Возникающий в результате былинно-романтический образ построек, по мнению Забелина и Стасова, создавал «облик красивого беспорядка» [10, с. 54].

Региональные особенности архитектуры при таком подходе были связаны либо с характерными для конкретной местности декоративными приемами (например, вологодская деревянная резьба и ее воспроизведение в других материалах), либо со спецификой размещения усадебных построек, обусловленной природно-климатическими особенностями. Так, стремление объединить все разрозненные элементы усадьбы под одной крышей было свойственно, например, архитектуре северных регионов и отчасти Заволжью.

Идеологом имитации форм русской допетровской архитектуры стал Н.В. Султанов. Он писал: «Московско-русский стиль достигает своего наивысшего развития в XVII в. и представляет нам образцы самостоятельного русского искусства» [11, с. 8]. Образцом для многочисленных подражаний стала построенная Султановым в 1905 г. церковь в Новом Петергофе.

Возобладавшие в послереволюционный период уравнивательные принципы и утопические идеи создания «земшарной Республики Советов» не способствовали развитию региональных черт и особенностей архитектуры. Однако под влиянием футуристических образов «Нового города» как гигантской машины делаются попытки символизации архитектуры промышленных городов.

Так, своеобразным откликом на комплекс Госпрома в Харькове, возведенный в 1925-29 гг. С.С. Серафимовым, стал построенный В.А. Шуко и В.Г. Гельфрейхом театр в Ростове-на-Дону (1930-35). Предназначенное первоначально для клуба завода Ростсельмаш здание со сложной компоновкой и трехмерной системой коммуникаций отчетливо ассоциировалось с гусеничным трактором. Метафорический машинный образ должен был подчеркнуть роль и значение Ростова-на-Дону как индустриального центра юга России. Этому способствовала уже сложившаяся вокруг здания-символа геометрически четкая, упорядоченная уличная сеть – пронумерованные ростовские «линии».

Отголоски столичных дискуссий относительно перспектив концепций «города-сада», «соцгорода», «домов-коммун», «домов переходного типа» находили отражение в региональной архитектуре 1920-30 гг. Яркими образцами авангардной архитектуры стали дом-коммуна «Культурная революция» в Нижнем Новгороде, жилые дома-коммуны НКВД в Хабаровске и Смоленске. Под очевидным влиянием московского «дома переходного типа» на Новинском бульваре («Дом Наркомфина») возводятся аналогичные комплексы в Свердловске (Екатеринбурге) и Саратове.

Сохранявшийся в послереволюционное десятилетие оптимистический взгляд на перспективы мировой революции побуждал руководство страны снисходительно и даже поощрительно относиться к тесным связям российского авангарда с европейскими единомышленниками. В архитектурные дискуссии и конкретные проекты 1920-30 гг. в нашей стране были вовлечены Корбюзье, руководители и рядовые члены объединения «Баухаус». В начале тридцатых годов бывший директор этого объединения Ханнес Майер и бывший главный архитектор Франкфурта-на-Майне Эрнст Май, возглавив группы своих учеников и помощников, приехали на работу в СССР. В результате в застройке целого ряда промышленных городов Урала и Сибири даже сегодня угадываются черты западноевропейского функционализма («интернационального стиля») или «Нового строительства» («Neues Bauen»). Так, в целом нетипичная для той поры «строчная» застройка отчетливо проявляется в планировке Магнитогорска, Новокузнецка, Орска, Жегловска (Кемерово), осуществленной бригадой Эрнста Мая.

Для строго централизованного государства, каким был Советский Союз, естественно следование директивно утвержденным образцам и официально одобренным постройкам или проектам. Например, сильное впечатление на заказчика произвели московские постройки А.Я. Лангмана для Наркомата внутренних дел (1933) и для Совета Труда и обороны (1935). Под непосредственным влиянием этих построек по многим городам страны распространяется так называемый «стиль Лубянки». Наиболее удачное воплощение этого стиля осуществил в нижегородском комплексе управления НКВД (1936) архитектор А.Н. Тюпиков. Похожим образом на облике крупных общественных зданий едва ли не по всей стране сказывается «стиль Дворца Советов». Так и не реализованный проект «главного здания страны», тем не менее, сумел повлиять на внешний вид и структуру интерьеров административных комплексов многих областных и краевых центров.

К середине 1930-х гг. монументальность и символичность архитектуры стала прочно ассоциироваться со зданиями и сооружениями, которые в очень непростых условиях реальной

жизни давали бы представление об изобильном и светлом будущем. То есть, речь шла об архитектуре «воплощенной мечты».

Своеобразным эталоном стал творческий метод И.В. Жолтовского. Его преклонение перед Ренессансом, приверженность палладианству наиболее сильно сказались на облике курортных регионов. Как собственные работы Жолтовского, такие как здание Уполномоченного Совнаркома (1936), в настоящий момент – художественный музей в Сочи, так и постройки его последователей в пространстве от Мацесты до Сухуми (театр арх. К.Н. Чернопятова, санаторий им. Орджоникидзе арх. И.С. Кузнецова) должны были создать у массы отдыхающих, хотя бы в отпускной период, ощущение атмосферы «светлого завтра». Предписанное архитекторам «творческое освоение классического наследия прошлого» стало императивом, относившимся не только к курортным регионам. Но именно в них «сталинский классицизм» оказался наиболее органичен и убедителен для современников.

Среди важных идейно-политических факторов, длительное время воздействовавших на советскую архитектуру, был принцип сочетания «национальной формы» и «социалистического содержания». Оба словосочетания изначально были весьма условны и расплывчаты. К тому же их содержание и практическое воплощение по-разному трактовались на разных этапах развития советского общества. Так, в эпоху доминирования авангардных течений считалось, что «интернациональный стиль» в архитектуре в принципе исключает какую-либо национальную или региональную самобытность. Даже агитационные тексты на национальных языках, иногда размещавшиеся на фасадах, предполагалось в скором времени заменить на эсперанто. Ускорить этот процесс должен был особый комитет по латинизации СССР.

Однако с середины 30-х годов понятие «национальное своеобразие» приобретает легальный статус в архитектурно-строительной деятельности. Но относилось это не столько к российским регионам, сколько к союзным республикам. На длительное время такое своеобразие стало связываться с национальными декоративными элементами, налагавшимися на неоклассическую, а позже – на модернистскую основу.

Эпоха «индустриального домостроения» ознаменовалась сознательным стиранием своеобразия в жилой среде. Как писал Ю.С. Яралов: «Не может быть искусственного сохранения особенностей ради особенностей. Они не самоцель. И если в архитектуре жилища происходит процесс их стирания, то процесс этот необходим и никакими заклинаниями его не остановишь» [12, с. 238].

Таким образом, архитектурный облик российских регионов начала XX в. существенным образом определяли различные версии модерна, «русского стиля» и ориентальные воплощения неоклассицизма, необарокко и других исторических стилей. В советский период региональная архитектура эволюционировала от отечественного и европейского авангарда к «сталинскому ампиру», а затем – к «советскому модернизму».

Стилевое преобладание обуславливалось, главным образом, идейно-политическими и социокультурными факторами в широком диапазоне. Он охватывал почти весь спектр политических предпочтений – от официальной «народности» (в начале века) до революционного футуризма (1920-30 гг.). Широко представлены национально-демократические и умеренно-прогрессистские направления (от воплощенных концепций Забелина и Стасова до «мухтаровских» построек). Почти семидесятилетняя история развития российской архитектуры советского периода, как в центре, так и в регионах, обуславливалась сменявшимися друг друга эстетическими социальными утопиями, проецировавшимися на архитектурно-строительную деятельность. Российская архитектура последнего десятилетия XX в. развивается под влиянием совершенно новых, мало связанных с предыдущими этапами факторов и обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. / С. О. Хан-Магомедов. – Кн. 1. Проблемы формообразования. – М., 1996. – 709 с.
2. Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. / С. О. Хан-Магомедов. – М., 2001. – 712 с. – Кн. 2. Социальные проблемы.
3. Архитектура и культура России в историческом взаимодействии. – СПб., 2019. – 432 с.

4. Нащокина, М. В. Общие принципы и особенности развития городов России второй половины XIX-начала XX в. / М. В. Нащокина // Градостроительство России середины XIX - начала XX века / под общ. ред. Е. И. Кириченко. - М., 2003. - Т. 1. - С. 294-347.
5. Иконников, А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность / А. В. Иконников. - М.: 2002. - Т. 2. - 672 с.
6. Пэр, Р. Потерянный авангард. Русская модернистская архитектура 1922-1932 / Р. Пэр, Ж.-Л. Коэн, Ф. Ламберт. - М., 2007. - 348 с.
7. Maerhofer J. W. Rethinking the Vanguard Aesthetic and Political Positions in the Modernist Debate, 1917-1962. Newcastle upon Tyne, 2009. 230 p.
8. Гройс, Б. Gesamtkunstwerk Сталин / Б. Гройс. - М., 2013. - 186 с.
9. Вуек, Я. Мифы и утопии архитектуры XX в. / Я. Вуек. - М.: 1990. - 286 с.
10. Лабынцев, Ю. Александро-Невский собор в Варшаве / Ю. Лабынцев, Л. Щавинская // Радонеж: журнал. - 1999. - №9-10. - С. 10-11.
11. Забелин, И. Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве / И. Е. Забелин. - М.: 1900. - 159 с.
12. Султанов, Н. В. Русское искусство в западной оценке / Н. В. Султанов // Зодчий №1. 1880. с 8-10.
13. Яралов, Ю. С. Национальное и интернациональное в советской архитектуре / Ю. С. Яралов. - М., 245с.

УДК 711:502.036

ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В УСЛОВИЯХ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАСТРОЙКИ

С. Г. Михалчева

S. G. Mihaleva

*ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства»,
Пенза, Российская Федерация
E-mail: mihcvet@yandex.ru*

*FGBO IN "Penza state University of architecture and construction",
Penza, Russian Federation*

Л. С. Маринцев

L. Marintsev

*ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства»,
Пенза, Российская Федерация
E-mail: marincev.leonid@gmail.com*

*FGBO IN "Penza state University of architecture and construction",
Penza, Russian Federation*

Аннотация: в данной статье рассматриваются главные принципы создания и классификации архитектурно-экологических комплексов, которые более гибко отвечают экологическим и эстетическим качествам городской среды в условиях ее реконструкции.

Ключевые слова: застройка, реконструкция, архитектурно-экологические комплексы, оздоровительный комплекс, районы массового жилищного строительства.

Abstract: this article discusses the main principles of creating and classifying architectural and environmental complexes that more flexibly meet the environmental and aesthetic qualities of the urban environment in terms of its reconstruction.

Keywords: construction, reconstruction, architectural and ecological complexes, health complex, areas of mass housing construction.

Все аспекты комплексной реконструкции города тесно взаимосвязаны между собой и с вопросом улучшения качества и облика исторически сложившихся районов жилой и обще-